

- Александр Блок

- «Целый год не дрожало окно...»
- «Здесь ночь мертва. Слова мои дики...»
- «Я к людям не выйду навстречу...»
- ОТШЕДШИМ
- «В посланьях к земным владыкам...»
- «Днем за нашей стеной молчали...»
- «Здесь память волны святой...»
- «Потемнели, поблекли залы...»
- «Разгадал я, какие цветы...»
- «Старуха гадала у входа...»
- «Погружался я в море клевера...»
- «Зимний ветер играет терновником...»
- «Снова иду я над этой пустынной равниной...»
- «Всё ли спокойно в народе...»
- «Дела свершились...»
- «Мне снились веселые думы...»
- «Никто не умирал. Никто не кончил жить...»
- «Отворяются двери — там мерцанья...»
- NOLI TANGERE CIRCULOS MEOS[1]
- «Всё тихо на светлом лице...»
- «Я вырезал посох из дуба...»
- «У забытых могил пробивалась трава...»
- «Нет, я не отходил. Я только тайны ждал...»
- «Вот они — белые звуки...»
- А. М. ДОБРОЛЮБОВ
- «Кто заметил огненные знаки...»
- «Глухая полночь медленный кладет покров...»
- «У берега зеленого на малой могиле...»
- «Я был весь в пестрых лоскутьях...»
- «По городу бегал черный человек...»
- «Мой остров чудесный...»
- «Просыпаюсь я — и в поле туманно...»
- «Моя сказка никем не разгадана...»
- «На Вас было черное закрытое платье...»
- «Я умер. Я пал от раны...»
- «Если только она подойдет...»
- «Когда я стал дряхлеть и стынуть...»
- «Неправда, неправда, я в бурю влюблен...»

- [«Скрипка стонет под горой...»](#)
- [«Очарованный вечер мой долог...»](#)
- [«Сердито волновались нивы...»](#)
- [«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...»](#)
- [«Многое замолкло. Многие ушли...»](#)
- [«День был нежно-серый, серый, как тоска...»](#)
- [ЗАКЛИНАНИЕ](#)
- [«Пристань безмолвна. Земля близка...»](#)
- [«Я — меч, заостренный с обеих сторон...»](#)
- [ДВОЙНИК](#)
- [«Горит мой день, будя ответы...»](#)
- [«Над этой осенью — во всем...»](#)
- [ВЕРБНАЯ СУББОТА](#)
- [«Я был невенчан. Премудрость храня...»](#)
- [«Я мог бы ярче просиять...»](#)
- [ОТВЕТ](#)
- [«Мой месяц в царственном зените...»](#)
- [«Возвратилась в полночь. До утра...»](#)
- [«Я бежал и спотыкался...»](#)
- [«Сажу за ширмой. У меня...»](#)
- [«И снова подхожу к окну...»](#)
- [«Когда я уйду на покой от времен...»](#)
- [«Так. Я знал. И ты задул...»](#)
- [«Ты у камина, склонив седины...»](#)
- [«Крыльцо Ее словно паперть...»](#)
- [РАССВЕТ](#)
- [«Облака небывалой улады...»](#)
- [«Спустишь в подземные ущелья...»](#)
- [«Темная, бледно-зеленая...»](#)
- [ФАБРИКА](#)
- [ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПОРА](#)
- [«Что с тобой — не знаю и не скрою...»](#)
- [«Мы шли на Лидо в час рассвета...»](#)
- [«Мне гадалка с морщинистым ликом...»](#)
- [«Плачет ребенок. Под лунным серпом...»](#)
- [«Среди гостей ходил я в черном фраке...»](#)
- [ИЗ ГАЗЕТ](#)
- [СТАТУЯ](#)
- [«По берегу плелся больной человек...»](#)
- [«Протянуты поздние нити минут...»](#)

- [«Я кую мой меч у порога...»](#)
  - [«Ветер хрипит на мосту меж столбами...»](#)
  - [«Отдых напрасен. Дорога крута...»](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Александр Блок
СТИХОТВОРЕНИЯ 1903 ГОДА

«Целый год не дрожало окно...»

Андрею Белому

Целый год не дрожало окно,
Не звенела тяжелая дверь;
Всё забылось — забылось давно,
И она отворилась теперь.

Суетились, поспешно крестясь...
Выносили серебряный гроб...
И старуха, за ручку держась,
Спотыкалась о снежный сугроб.

Равнодушные лица толпы,
Любопытных соседей набег...
И кругом протоптали тропы,
Осквернив целомудренный снег.

Но, ложась в снеговую постель,
Услыхал заключенный в гробу,
Как вдали запевала метель,
К небесам подымая трубу.

6 января 1903

«Здесь ночь мертва. Слова мои дики...»

Здесь ночь мертва. Слова мои дики.
Мигает красный призрак — заря.
Наутро ввысь пуцу мои крики,
Как белых птиц на встречу, Царя.

Во сне и в яви — неразличимы
Заря и зарево — тишь и страх...
Мои безумья — мои херувимы...
Мой Страшный, мой Близкий — черный монах

Рука или ветер шевелит лоскутья?
Костлявые пальцы — обрывки трав...
Зеленые очи горят на распутьи —
Там ветер треплет пустой рукав...

Закрыт один, или многие лики?
Ты знаешь? Ты видишь! Одежда пуста!..
До утра — без солнца — пуцу мои крики.
Как черных птиц, на встречу Христа!

9 января 1903

«Я к людям не выйду навстречу...»

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобой Одною отвечу,
За то, что всю жизнь молчал.

Молчаливые мне понятны,
И люблю обращенных в слух:
За словами — сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.

Я выйду на праздник молчанья,
Моего не заметят лица.
Но во мне — потаенное знанье
О любви к Тебе без конца.

14 января 1903

ОТШЕДШИМ

Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду
И в этих камышах увижу всё, что мило.
Осиротел мой пруд. Но сердце не остыло
В нем всё отражено — и возвращений жду

Качаются и зеленеют травы.
Люблю без слов колеблемый камыш.
Всё, что ты знал, веселый и кудрявый,
Одной мечтой найдешь и возвратишь.

Дождусь ли здесь условленного знака,
Или уйду в ласкающую тень,—
Заря не перейдет, и не погаснет день.

Здесь тихо и светло. В душе не будет мрака.
Она перенесла — и смотрит сквозь листву
В иные времена — к иному торжеству.

22 января 1903

«В посланьях к земным владыкам...»

В посланьях к земным владыкам
Говорил я о Вечной Надежде.
Они не поверили крикам,
И я не такой, как прежде.

Никому не открою ныне
Того, что рождается в мысли.
Пусть думают — я в пустыне
Блуждаю, томлюсь и числю.

Но, боже! какие посланья
Отныне шлю я Пречистой!
Мое роковое познание
Углубилось в сумрак лучистый...

И только одна из мира
Отражается в каждом слогe...
Но она — участница пира
В твоём, о, боже! — чертоге.

27 января 1903 (1918)

«Днем за нашей стеной молчали...»

Днем за нашей стеной молчали,—
Кто-то злой измерял свою совесть.
И к вечеру мы услышали,
Как раскрылась странная повесть.

Вчера еще были объятья,
Еще там улыбалось и пело.
По крику, по шороху платья
Мы узнали свершенное дело.

Там в книге открылась страница,
И ее пропустить не смели...
А утром узнала столица
То, о чем говорили неделю...

И всё это — здесь за стеною,
Где мы так привыкли к покою'
Какой же нам-то ценою
Досталось счастье с тобою!

29 января 1903

«Здесь память волны святой...»

Здесь память волны святой
Осталась пенистым следом.
Беспечальный иду за Тобой —
Мне путь неизвестный вedom.

Когда и куда поведешь,
Не знаю, но нет сомнений,
Что погибла прежняя ложь,
И близится вихрь видений.

Когда настанет мой час,
И смолкнут любимые песни,
Здесь печально скажут: «Угас»,
Но Там прозвучит: «Воскресни!»

31 января 1903

«Потемнели, поблекли залы...»

Потемнели, поблекли залы.
Почернела решетка окна.
У дверей шептались вассалы:
«Королева, королева больна».

И король, нахмутивший брови,
Проходил без пажей и слуг.
И в каждом брошенном слове
Ловили смертный недуг.

У дверей затихнувшей спальни
Я плакал, сжимая кольцо.
Там — в конце галереи дальней
Кто-то вторил, закрыв лицо.

У дверей Несравненной Дамы
Я рыдал в плаще голубом.
И, шатаясь, вторил тот самый —
Незнакомец с бледным лицом.

4 февраля 1903

«Разгадал я, какие цветы...»

Разгадал я, какие цветы
Ты растила на белом окне.
Испугалась, наверное, ты,
Что меня увидала во сне:

Как хожу среди белых цветов
И не вижу мерцания дня.
Пусть он радостен, пусть он суров —
Всё равно ты целуешь меня...

Ты у солнца не спросишь, где друг,
Ты и солнце боишься впустить:
Раскаленный блуждающий круг
Не умеет так страстно любить.

Утром я подошел и запел,
И не скроешь — услышала ты,
Только голос ответный звенел,
И, качаясь, белели цветы...

9 февраля 1903

«Старуха гадала у входа...»

Старуха гадала у входа
О том, что было давно.
И вдруг над толпой народа
Со звоном открылось окно.
Шуршала за картой карта.
Чернела темная дверь.
И люди, полны азарта,
Хотели знать — что теперь?
И никто не услышал звона —
Говорил какой-то болтун.
А там, в решетке балкона,
Шатался и пел чугунок.
Там треснули темные балки,
В окне разлетелось стекло.
И вдруг на лице гадалки
Заструилось — стало светло.
Но поздно узнавшие чары,
Увидавшие страшный лик,
Задыхались в дыму пожара,
Испуская пронзительный крик.
На обломках рухнувших зданий
Извивался красный червяк.
На брошенном месте гаданий
Кто-то встал — и развеял флаг.

13 февраля 1903

«Погружался я в море клевера...»

Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Призывал на битву равнинную —
Побороться с дыханьем небес.
Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невинными взорами
Мое детское сердце идет.

Пусть глаза утомятся бессонные,
Запоеет, заалееет пыль...
Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку — быль.

18 февраля 1903

«Зимний ветер играет терновником...»

Зимний ветер играет терновником,
Задувает в окне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником.
Я один. Я прощу. Я молчу.

Ты не знаешь, кому ты молишься —
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.

Но, давно прислушавшись к счастью,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаешься со страстию.
Все равно. Я тайну блюду.

Всё, что в сердце твоём туманится,
Станет ясно в моей тишине.
И, когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне.

20 февраля 1903

«Снова иду я над этой пустынной равниной...»

Снова иду я над этой пустынной равниной.
Сердце в глухие сомненья укрыться не властно.
Что полюбил я в твоей красоте лебединой,—
Вечно прекрасно, но сердце несчастно.

Я не скрываю, что плачу, когда поклоняюсь,
Но, перейдя за черту человеческой речи,
Я и молчу, и в слезах на тебя улыбаюсь:
Проводы сердца — и новые встречи.

Снова нахмурилось небо, и будет ненастье.
Сердцу влюбленному негде укрыться от боли.
Так и счастливому страшно, что кончится счастье
Так и свободный боится неволи.

22 февраля 1903

«Всё ли спокойно в народе...»

— Всё ли спокойно в народе?
— Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.

— Все ли готовы подняться?
— Нет. Каменеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться:
Бродят и песни поют.

— Кто же поставлен у власти?
— Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти.
Слышно, что кто-то идет.

— Кто ж он, народный смиритель?
— Темен, и зол, и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видал его — и ослеп.

Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...
— Боже! Бежим от Суда!

3 марта 1903

«Дела свершились...»

Дела свершились.
Дни сочтены.
Мы здесь молились
У сонной реки.

Там льды носились
В дни весны.
И дни забылись!
Как далеки!

Мой день свершенный
Кончил себя.
Мой дух обнаженный
Для всех поет.

Утомленный, влюбленный,
Я жду тебя,
Угрюмый, бессонный,
Холодный, как лед.

4 марта 1903

«Мне снились веселые думы...»

Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...
Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.

Я думал о сбывшемся чуде...
А там, наточив топоры,
Веселые красные люди,
Смеясь, разводили костры:

Смолили тяжелые челны...
Река, распевая, несла
И синие льдины, и волны,
И тонкий обломок весла...

Пьяна от веселого шума,
Душа небывалым полна...
Со мною — весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна...

11 марта 1903

«Никто не умирал. Никто не кончил жить...»

Никто не умирал. Никто не кончил жить.
Но в звонкой тишине блуждали и сходились
Вот близятся, плывут... черты определились...
Внезапно отошли — и их не различить.

Они — невдалеке. Одна и та же нить
Связует здесь и там; лишь два пути открылись:
Один — безбурно ждать и юность отравить,
Другой — скорбеть о том, что пламенно молились...

Внимательно следи. Разбей души тайник:
Быть может, там мелькнет твое же повторенье

Признаешь ли его, скептический двойник?
Там — в темной глубине — такое же томленье
Таких же нищих душ и безобразных тел—
Гармоний безрадостный предел.

12 марта 1903 (5 ноября 1904)

«Отворяются двери — там мерцанья...»

Отворяются двери — там мерцанья,
И за ярким окошком — виденья.
Не знаю — и не скрою незнания,
Но усну — и потекут сновиденья.

В тихом воздухе — тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.
Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами — розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или всё узнается?

17 марта 1903

NOLI TANGERE CIRCULOS MEOS^[1]

Символ мой знаком отметить,
Счастье мое сохранить...
Только б на пути никого не встретить,
Не обидеть, не говорить...

Не заметить участливого сомнения,
Не услышать повторенную речь,
Чтоб когда-нибудь от сновидения
Свой таинственный факел зажечь!

Миновать не знавших сияния,
Не истратить искры огня...
Кто не знал моего содрогания,
Отойди от меня!

Дальше, дальше, слепые, странные!
Вас душит любопытство и смех!
Мои думы — веселые, слова несказанные!
Я навек — один! — Я навек — для всех!

19 марта 1903 (16 марта 1918)

«Всё тихо на светлом лице...»

Всё тихо на светлом лице.
И росистая полночь тиха.
С немым торжеством на лице
Открываю грани стиха.

Шепчу и звеню, как струна.
То — ночные цветы — не слова.
Их росу убелила луна
У подножья Ее торжества.

19 марта 1903 (1907)

«Я вырезал посох из дуба...»

Я вырезал посох из дуба
Под ласковый шепот вьюги.
Одежды бедны и грубы,
О, как недостойны подруги!

Но найду, и нищий, дорогу,
Выходи, морозное солнце!
Проброжу весь день ради бога,
Вечеру постучусь в оконце...

И откроет белой рукою
Потайную дверь предо мною
Молодая, с золотой косою,
С ясной, открытой душою.

Месяц и звезды в косах...
«Входи, мой царевич приветный...»
И бедный дубовый посох
Заблестит слезой самоцветной...

25 марта 1903

«У забытых могил пробивалась трава...»

С. Соловьеву

У забытых могил пробивалась трава.
Мы забыли вчера... И забыли слова...
И настала кругом тишина...

Этой смертью отшедших, сгоревших дотла,
Разве Ты не жива? Разве Ты не светла?
Разве сердце Твое — не весна?

Только здесь и дышать, у подножья могил,
Где когда-то я нежные песни сложил
О свиданьи, быть может, с Тобой...

Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повеяла Ты,
Пробиваясь могильной травой...

1 апреля 1903

«Нет, я не отходил. Я только тайны ждал...»

Нет, я не отходил. Я только тайны ждал
И был таинственно красив, как ожиданье.

Но Ты не приняла вечернего молчанья,
Когда я на заре Тебя лишь различал.

Ты бурно вознесла Единственную Весть,
Непобедимую Зарницу Откровений...

Ты, в сумрак отойдя. Сама не можешь счесть
Разбросанных лучей Твоих Преображений!

2 апреля 1903

«Вот они — белые звуки...» (При посылке белой азалии)

Вот они — белые звуки
Девственно-горных селений
Девушки бледные руки,
Белые сказки забвений...
Медленно шла от вечерни,
Полная думы вчерашней...
У колокольни вечерней
Таяли белые башни...
Белые башни уплыли,
Небо горит на рассвете.
Песню цветы разбудили —
Песню о белом расцвете...

5 апреля 1903. Пасха

А. М. ДОБРОЛЮБОВ

*А. М. Д. своею кровью
Начертал он на щите.*

Пушкин

Из городского тумана,
Посохом землю чертя,
Холодно, странно и рано
Вышло больное дитя.
Будто играющий в жмурки
С Вечностью — мальчик больной,
Странствуя, чертит фигурки
И призывает на бой.
Голос и дерзок и тонок,
Замысел — детски-высок.
Слабый и хилый ребенок
В ручке несет стебелек.
Стебель вселенского дела
Гладит и кличет: «Молись!»
Вкруг исхудалого тела
Стебли цветов завились...
Вот поднимаются выше —
Скоро уйдут в небосвод...
Голос всё тише, всё тише...
Скоро заплачет — поймет.

10 апреля 1903

«Кто заметил огненные знаки...»

Кто заметил огненные знаки,
Не уйдет безмолвный прочь.
Ты светла — и в светлом зраке
Отражаешь ночь.

Есть молчанье — тягостное горе,
Вздохи сердца у закрытых врат.
Но в моем молчаньи — зори
Тают и горят.

Ты взойдешь в моей немой отчизне
Ярче всех других светил
И — поймешь, какие жизни
Я в Тебе любил.

13 апреля 1903

«Глухая полночь медленный кладет покров...»

Глухая полночь медленный кладет покров.
Зима ревушим снегом гасит фонари.

Вчера высокий, статный, белый подходил к окну,
И Ты зажгла лицо, мечтой распалена.

Один, я жду, я жду, я жду — Тебя, Тебя.
У черных стен — Твой профиль, стан и смех.

И я живу, живу, живу — сомнением о Тебе.
Приди, приди, приди — душа истомлена.

Горящий факел к снегу, к небу вознесла
Моя душа, — Тобой, Тобой, Тобой распалена.

Я трижды звал — и трижды подходил к окну
Высокий, статный, белый — и смеялся мне.

Один — я жду, я жду — Тебя, Тебя, Тебя — Одну.

18 апреля 1903

«У берега зеленого на малой могиле...»

У берега зеленого на малой могиле
В праздник Благовещенья пели псалом.
Белые священники с улыбкой хоронили
Маленькую девочку в платье голубом.

Все они — помощью Вышнего Веления —
В крове бога Небесного Отца расцвели
И тихонько возносили к небу курения,
Будто не с кадильницы, а с зеленой земли.

24 апреля 1903

«Я был весь в пестрых лоскутьях...»

Я был весь в пестрых лоскутьях,
Белый, красный, в безобразной маске.
Хохотал и кривлялся на распутях,
И рассказывал шуточные сказки.

Развертывал длинные сказанья
Бессвязно, и долго, и звонко —
О стариках, и о странах без названья,
И о девушке с глазами ребенка.

Кто-то долго, бессмысленно смеялся,
И кому-то становилось больно.
И когда я внезапно сбивался,
Из толпы кричали: «Довольно!»

Апрель 1903

«По городу бегал черный человек...»

По городу бегал черный человек.
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.

Медленный, белый подходил рассвет,
Вместе с человеком взбирался на лестницу.

Там, где были тихие, мягкие тени —
Желтые полосы вечерних фонарей,—

Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались в занавески, в щели дверей.

Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дворе.

Апрель 1903

«Мой остров чудесный...»

Мой остров чудесный
Средь моря лежит.
Там, в чаще древесной,
Повесил я щит.

Пропал я в морях
На неясной черте.
Но остался мой страх
И слова на щите.

Когда моя месть
Распевает в бою,
Можешь, Дева, прочесть
Про душу мою.

Можешь Ты увидеть,
Что Тебя лишь страшусь
И, на черную рать
Нападая, молюсь!

Апрель 1903

«Просыпаюсь я — и в поле туманно...»

Просыпаюсь я — и в поле туманно,
Но с моей вышки — на солнце укажу.
И пробуждение мое безжеланно,
Как девушка, которой я служу.

Когда я в сумерки проходил по дороге,
Заприметился в окошке красный огонек.
Розовая девушка встала на пороге
И сказала мне, что я красив и высок.

В этом вся моя сказка, добрые люди.
Мне больше не надо от вас ничего:
Я никогда не мечтал о чуде —
И вы успокойтесь — и забудьте про него.

2 мая 1903

«Моя сказка никем не разгадана...»

Моя сказка никем не разгадана,
И тому, кто приблизится к ней,
Станет душно от синего ладана,
От узорных лампадных теней.

Безответное чуждым не скажется,
Я открою рекущим: аминь.
Только избранным пояс развяжется,
Окружающий чресла богинь.

Я открою ушедшим в познание,
Опаленным в горниле огня,
Кто придет на ночное Свидание
На исходе четвертого дня.

8 мая 1903 (1910)

«На Вас было черное закрытое платье...»

На Вас было черное закрытое платье.
Вы никогда не поднимали глаз.
Только на груди, может быть, над распятием,
Вздыхал иногда и шевелился газ.

У Вас был голос серебристо-утомленный.
Ваша речь была таинственно проста.
Кто-то Сильный и Знающий, может быть,
Влюбленный
В Свое Создание, замкнул Вам уста.

Кто был Он — не знаю — никогда не узнаю,
Но к Нему моя ревность, и страх мой к Нему
Ревную к Божеству, Кому песни слагаю,
Но песни слагаю — я не знаю. Кому.

5 мая 1903 (1907?)

«Я умер. Я пал от раны...»

Я умер. Я пал от раны.
И друзья накрыли щитом.
Может-быть, пройдут караваны.
И вожатый растопчет конем.

Так лежу три дня без движенья.
И взываю к песку: «Задуши!...»
Но тело хранит от истленья
Красноватый уголь души.

На четвертый день я восстану,
Подыму раскаленный щит,
Растравлю песком свою рану
И приду к Отшельнице в скит.

Из груди, сожженной песками,
Из плаща, в пыли и крови,
Негодую, вырвется пламя
Безначальной, живой любви.

19 мая 1903

«Если только она подойдет...»

Если только она подойдет —
Буду ждать, буду ждать...
Голубой, голубой небосвод...
Голубая спокойная гладь.

Кто прикликал моих лебедей?
Кто над озером бродит, смеясь?
Неужели средь этих людей
Незаметно Заря занялась?

Всё равно — буду ждать, буду ждать.
Я один, я в толпе, я — как все...
Окунусь в безмятежную гладь —
И всплыву в лебединой красе.

3 июня 1903

Bad Nauheim

«Когда я стал дряхлеть и стынуть...»

Когда я стал дряхлеть и стынуть,
Поэт, привыкший к сединам,
Мне захотелось отодвинуть
Конец, сужденный старикам.
И я опять, больной и хилый,
Ищу счастливую звезду.
Какой-то образ, прежде милый,
Мне снится в старческом бреду.
Быть может, память изменила,
Но я не верю в эту ложь,
И ничего не пробудила
Сия пленительная дрожь.
Все эти рассказы далече —
Они пленяли с юных лет,
Но старость мне согнула плечи,
И мне смешно, что я поэт...
Устал я верить жалким книгам
Таких же розовых глупцов!
Проклятье снам! Проклятье мигам
Моих пророческих стихов!
Наедине с самим собою
Дряхлею, сохну, душит злость,
И я морщинистой рукою
С усилием поднимаю трость...
Кому поверить? С кем мириться?
Врачи, поэты и попы...
Ах, если б мог я научиться
Бессмертной пошлости толпы!

4 июня 1903

Bad Nauheim

(1906?)

«Неправда, неправда, я в бурю влюблен...»

Неправда, неправда, я в бурю влюблен,
Я люблю тебя, ветер, несущий листы,
И в час мой последний, в час похорон,
Я встану из гроба и буду, как ты!

Я боюсь не тебя, о, дитя, ураган!
Не тебя, мой старый ребенок, зима!
Я боюсь неожиданно колющих ран...
Так может изранить — лишь Она... лишь Сама

Сама — и Душой непостижно кротка,
И прекрасным Лицом несравненно бела.
Но она убьет и тебя, старина,—
И никто не узнает, что буря была...

10 июня 1903

Bad Nauheim

«Скрипка стонет под горой...»

Скрипка стонет под горой.
В сонном парке вечер длинный,
Вечер длинный — Лик Невинный,
Образ девушки со мной.

Скрипки стон неутомимый
Напевает мне: «Живи...»
Образ девушки любимой —
Повесть ласковой любви.

10 июня 1903

Bad Nauheim

«Очарованный вечер мой долг...»

Очарованный вечер мой долг,
И внимаю журчанью струи,
Лег туманов белеющий полог
На зелёные нивы Твои.

Безотрадному сну я не верю,
Погрузив мое сердце в покой...
Скоро жизнь мою бурно измерю
Пред неведомой встречей с Тобой...

Чьи-то очи недвижно и длинно
На меня сквозь деревья глядят.
Всё, что в сердце, по-детски невинно
И не требует страстных наград.

Всё, что в сердце, смежило ресницы,
Но, едва я слышу: «Лети»,—
Полечу я с восторгами птицы,
Оставляющей перья в пути...

11 июня 1903

Bad Nauheim

(1908?)

«Сердито волновались нивы...»

К. М. С.

Сердито волновались нивы.
Собака выла. Ветер дул.
Ее восторг самолюбивый
Я в этот вечер обманул...

Угрюмо шепчется болото.
Взошла угрюмая луна.
Там в поле бродит, плачет кто-то.
Она! Наверное — она!

Она смутила сон мой странный —
Пусть приютит ее другой:
Надутый, глупый и румяный
Паяц в одежде голубой.

12 июня 1903

Bad Nauheim

«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...»

Ей было пятнадцать лет. Но по стуку
Сердца — невестой быть мне могла.
Когда я, смеясь, предложил ей руку,
Она засмеялась и ушла.

Это было давно. С тех пор проходили
Никому не известные годы и сроки.
Мы редко встречались и мало говорили,
Но молчанья были глубоки.

И зимней ночью, верен сновиденью,
Я вышел из людных и ярких зал,
Где душные маски улыбались пенью,
Где я ее глазами жадно провожал.

И она вышла за мной, покорная,
Сама не ведая, что будет через миг.
И видела лишь ночь городская, черная,
Как прошли и скрылись: невеста и жених

И в день морозный, солнечный, красный —
Мы встретились в храме — в глубокой тишине
Мы поняли, что годы молчанья были ясны,
И то, что свершилось, — свершилось в вышине.

Этой повестью долгих, блаженных исканий
Полна моя душная, песенная грудь.
Из этих песен создал я зданье,
А другие песни — спою когда-нибудь.

16 июня 1903

Bad Nauheim

«Многое замолкло. Многие ушли...»

Многое замолкло. Многие ушли.
Много дум уснуло на краю земли.

Но остались песни и остались дни.
Истина осталась: мы с тобой — одни

Всё, что миновалось, вот оно — смотри:
Бледная улыбка утренней зари.

Сердце всё открыто, как речная гладь,
Если хочешь видеть, можешь увидеть.

Июнь 1903

Bad Nauheim

«День был нежно-серый, серый, как тоска...»

День был нежно-серый, серый, как тоска.
Вечер стал матовый, как женская рука.

В комнатах вечерних прятали сердца,
Усталые от нежной тоски без конца.

Пожимали руки, избегали встреч,
Укрывали смехи белизною плеч.

Длинный вырез платья, платье, как змея,
В сумерках белее платья чешуя.

Над скатертью в столовой наклонились ниц,
Касаясь прическами пылающих лиц.

Стуки сердца чаще, напряженной взгляд,
В мыслях — он, глубокий, нежный, душный сад.

И молча, как по знаку, двинулись вниз.
На ступеньках шорох белых женских риз.

Молча потонули в саду без следа.
Небо тихо вспыхнуло заревом стыда.

Может быть, скатилась красная звезда.

Июнь 1903

Bad Nauheim

ЗАКЛИНАНИЕ

Луна взошла. На вздох родимый
Отвечу вздохом торжества,
И сердце девушки любимой
Услышит страстные слова.

Слушай! Повесила дева
Щит на высоком дубу,
Полная страстного гнева,
Слушает в далях трубу.

Юноша в белом — высоко
Стал на горе и трубит.
Вспыхнуло синее око,
Звук замирает — летит.

Полная гневной тревоги
Девушка ищет меча...
Ночью на горной дороге
Падает риза с плеча...

Звуки умолкли так близко.
Ближе! Приди! Отзовись!
Ризы упали так низко.
Юноша! ниже склонись!

Луна взошла. На вздох любимой
Отвечу вздохом торжества.
И сердце девы нелюбимой
Услышит страстные слова.

Июнь 1903

Bad Nauheim

(1917)

«Пристань безмолвна. Земля близка...»

Пристань безмолвна. Земля близка.
Земли не видно. Ночь глубока.

Стою на серых мокрых досках.
Буря хохочет в седых кудрях.

И слышу, слышу, будто кричу:
«Поставьте в море на камне свечу!

Когда пристанет челнок жены,
Мы будем вместе с ней спасены!»

И страшно, и тяжело в мокрый песок
Бьют волны, шлют волны седой намек...

Она далёко. Ответа нет.
Проклятое море, дай мне ответ!

Далёко, там, камень! Там ставьте свечу!
И сам не знаю, я ли кричу.

22 июля 1903

«Я — меч, заостренный с обеих сторон...»

Я — меч, заостренный с обеих сторон.
Я правлю, архангел. Ее Судьбой.
В щите моем камень зеленый зажжен.
Зажжен не мной, — господней рукой.

Ему непомерность мою вручу,
Когда отыду на вечный сон.
Ей в мире оставлю мою свечу,
Оставлю мой камень, мой здешний звон.

Поставлю на страже звенящий стих.
Зеленый камень Ей в сердце зажгу.
И камень будет Ей друг и жених,
И Ей не солжет, как я не лгу.

25 июля 1903

ДВОЙНИК

Вот моя песня — тебе. Коломбина.
Это — угрюмых созвездий печать:
Только в наряде шута-Арлекина
Песни такие умею слагать.

Двое — мы тащимся вдоль по базару,
Оба — в звенящем наряде шутов.
Эй, полюбуйтесь на глупую пару,
Слушайте звон удалых бубенцов!

Мимо идут, говоря: «Ты, прохожий,
Точно такой же, как я, как другой;
Следом идет на тебя не похожий
Сгорбленный нищий с сумой и клюкой»

Кто, проходя, удостоит нас взора?
Кто угадает, что мы с ним — вдвоем?
Дряхлый старик повторяет мне: «Скоро»
Я повторяю: «Пойдем же, пойдем».

Если прохожий глядит равнодушно,
Он улыбается; я трепещу;
Злобно кричу я: «Мне скучно! Мне душно!»
Он повторяет: «Иди. Не пущу».

Там, где на улицу, в звонкую давку,
Взглянет и спрячется розовый лик, —
Там мы войдем в многолюдную лавку, —
Я — Арлекин, и за мною — старик.

О, если только заметят, заметят,
Взглянут в глаза мне за пестрый наряд! —
Может быть, рядом со мной они встретят
Мой же — лукавый, смеющийся взгляд!

Там — голубое окно Коломбины,

Розовый вечер, уснувший карниз...
В смертном весельи — мы два Арлекина —
Юный и старый — сплелись, обнялись!..

О, разделите! Вы видите сами:
Те же глаза, хоть различен наряд!..
Старый — он тупо глумится над вами,
Юный — он нежно вам преданный брат!

Та, что в окне, — розовой навечерий,
Та, что вверху, — ослепительней дня!
Там Коломбина! О, люди! О, звери!
Будьте, как дети. Поймите меня.

30 июля 1903 (24 февраля 1906)

«Горит мой день, будя ответы...»

Горит мой день, будя ответы
В сердцах, приявших торжество.
Уже зловещая комета
Смутилась заревом его.

Она бежит стыдливый бегом,
Оставив красную черту,
И гаснет над моим ночлегом
В полуразрушенном скиту.

8 августа 1903

«Над этой осенью — во всем...»

Над этой осенью — во всем
Ты прошумела и устала.
Но я вблизи — стою с мечом,
Спустив до времени забрало.

Души кипящий гнев смири,
Как я проклятую отвагу.
Остался красный зов зари
И верность голубому стягу.

На верном мы стоим пути,
Избегли плена не впервые.
Веди меня. Чтоб всё пройти,
Нам нужны силы неземные.

11 августа 1903

ВЕРБНАЯ СУББОТА

Вечерние люди уходят в дома.
Над городом синяя ночь зажжена.
Боярышни тихо идут в терема.
По улице веет, гуляет весна.

На улице праздник, на улице свет,
И свечки, и вербы встречают зарю.
Дремотная сонь, неуловленный бред —
Заморские гости приснились царю...

Приснились боярам... — «Проснитесь, мы тут».
Боярышня сонно склонилась во мгле...
Там тени идут и виденья плывут...
Что было на небе — теперь на земле...

Весеннее утро. Задумчивый сон.
Влюбленные гости заморских племен
И, может быть, поздних, веселых времен.
Прозрачная тучка. Жемчужный узор.

Там было свиданье. Там был разговор...
И к утру лишь бледной рукой отперлась,
И розовой зорькой душа занялась.

1 сентября 1903

«Я был невенчан. Премудрость храня...»

Я был невенчан. Премудрость храня,
У Тайны ключами зловеще звенел.

Но Ты полюбила меня.
Ты — нежная жрица Лазурного Дня

Блуждая глазами, в подземных ходах
Искал — и достался мне камень в удел —
Тяжелый и черный. Впотьмах
Впился я глазами — и видеть хотел
Все жилы, все ходы и все письмена.

Но властный поток Твоих роз
Восставил меня. И на выси вознес,
Где Ты пробуждалась от зимнего сна,
Где Весна
Победила мороз.

11 сентября 1903

«Я мог бы ярче просиять...»

Я мог бы ярче просиять,
Оставив след на синей влаге.
Но в тихо-сумрачном овраге
Уже струится благодать.

И буду верен всем надеждам.
Приму друзей, когда падут.
Пусть в тихом сне к моим одеждам
Они, избитые, прильнут.

Но эта Муза не выносит
Мечей, пронзающих врага.
Она косою мирной косит
Головку сонного цветка.

15 сентября 1903

ОТВЕТ

С. М. Соловьеву

Сквозь тонкий пар сомнения
Смотрю в голубоватый сон.
В твоих словах — веления
И заповедь святых времен.
Когда померкнут звонкие
Раздумья трехвенечных снов,
Совьются нити тонкие
Немеркнущих осенних слов.
Твои слова — любимый клик,
Спокойный зов к осенним дням,
Я их люблю — и я привык
Внимать и верить глубинам.
Но сам — задумчивей, чем был,
Пою и сдерживаю речь.
Мой лебедь здесь, мой друг приплыл
Мою задумчивость беречь.

19 сентября 1903 (1908?)

«Мой месяц в царственном зените...»

Мой месяц в царственном зените.
Ночной свободой захлебнусь
И там — в серебряные нити
В избытке счастья завернусь.

Навстречу страстному безволю
И только будущей Заре —
Киваю синему раздолью,
Ныряю в темном серебре!..

На площадях столицы душевной
Слепые люди говорят:
«Что над землею? Шар воздушный.
Что под луной? Аэростат».

А я — серебряной пустыней
Несусь в пылающем бреду.
И в складки ризы темно-синей
Укрыл Любимую Звезду.

1 октября 1903

«Возвратилась в полночь. До утра...»

Возвратилась в полночь. До утра
Подходила к синим окнам зала.
Где была? — Ушла и не сказала.
Неужели мне пора?

Беспокойно я брожу по зале...
В этих окнах есть намек.
Эти двери мне всю ночь бросали
Скрипы, тени, может быть, упрек?.

Завтра я уйду к себе в ту пору,
Как она придет ко мне рыдать.
Опущу белеющую штору,
Занавешу пологом кровать.

Лягу, робкий, улыбаясь мигу,
И один, вкусив последний хлеб,
Загляжусь в таинственную книгу
Совершившихся судеб.

9 октября 1903

«Я бежал и спотыкался...»

Андрею Белому

Я бежал и спотыкался,
Обливался кровью, бился
Об утесы, поднимался,
На бегу опять молился.
И внезапно повеяло холодом.
Впереди покраснела заря.
Кто-то звонким, взывающим молотом
Воздвигал столпы алтаря.
На черте горизонта пугающей,
Где скончалась внезапно земля,
Мне почудился ты — умирающий,
Истекающий кровью, как я.
    Неужели и ты отступаешь?
    Неужели я стал одинок?
    Или ты, испытывая, мигаешь,
    Будто в поле кровавый платок?
О, я увидел его, несчастный,
Увидел красный платок полей...
Заря ли кинула клич свой красный?
Во мне ли грянула мысль о Ней?
    То — заря бесконечного холода,
    Что послала мне сладкий намек.
    Что рассыпала красное золото,
    Разостлала кровавый платок.
Из огня душа твоя скована
И вселенской мечте предана.
Непомерной мечтой взволнована —
Угадать Ее Имена.

18 октября 1903 (Лето 1904)

«Сижу за ширмой. У меня...»

Иммануил Кант

Сижу за ширмой. У меня
Такие крохотные ножки...
Такие ручки у меня,
Такое темное окошко...
Тепло и темно. Я гашу
Свечу, которую приносят,
Но благодарность приношу...
Меня давно развлечься просят,
Но эти ручки... Я влюблен
В мою морщинистую кожу...
Могу увидеть сладкий сон,
Но я себя не потревожу:
Не потревожу забытья,
Вот этих бликов на окошке...
И ручки скрещиваю я,
И также скрещиваю ножки.
Сижу за ширмой. Здесь тепло.
Здесь кто-то есть. Не надо свечки.
Глаза бездонны, как стекло.
На ручке сморщенной — колечки.

18 октября 1903

«И снова подхожу к окну...»

...И снова подхожу к окну,
Влюблен в мерцающую сагу.
Недолго слушать тишину:
Изнеможенный, снова лягу.

Я на покой ушел от дня,
И сон гоню, чтоб длить молчанье.
Днем никому не жаль меня,—
Мне ночью жаль мое страданье...

Оно в бессонной тишине
Мне льет торжественные муки.
И кто-то милый, близкий мне
Сжимает жалобные руки...

26 октября 1903

«Когда я уйду на покой от времен...»

Когда я уйду на покой от времен,
Уйду от хулы и похвал,
Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон,
Которым я цвел и дышал.

Я знаю, не вспомнишь Ты, Светлая, зла,
Которое билось во мне,
Когда подходила Ты, стройно-бела,
Как лебедь, к моей глубине.

Не я возмущал Твою гордую лень —
То чуждая сила его.
Холодная туча смущала мой день,—
Твой день был светлей моего.

Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
Исчезну за синей чертой,—
Одну только песню, что пел я с Тобой,
Что Ты повторяла за мной.

1 ноября 1903

«Так. Я знал. И ты задул...»

Андрею Белому

Так. Я знал. И ты задул
Яркий факел, изнывая
В дымной мгле.
В бездне — мрак, а в небе — гул.
Милый друг! Звезда иная
Нам открылась на земле.

Неразлучно — будем оба
Клятву Вечности нести.
Поздно встретимся у гроба
На серебряном пути.

Там — сжимающему руки
Руку нежную сожму.
Молчаливому от муки
Шею крепко обниму.

Так. Я слышал весть о новом!
Маска траурной души!
В Оный День — знакомым словом
Снова сердце оглуши!

И тогда — в гремящей сфере
Небывалого огня —
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного Дня.

1 ноября 1903

«Ты у камина, склонив седины...»

Ты у камина, склонив седины,
Слушаешь сказки в стихах.
Мы за тобою — незримые сны —
Чертим узор на стенах.

Дочь твоя — в креслах — весны розовой,
Строже вечерних теней.
Мы никогда не стучали при ней,
Мы не шалили при ней.

Как у тебя хорошо и светло —
Нам за стеною темно...
Дай пошалим, постучимся в стекло,
Дай-ка — забьемся в окно!

Скажешь ты, тихо подняв седины:
«Стукнуло где-то, дружок?»
Дочка твоя, что румяней весны,
Скажет: «Там серый зверок».

1 ноября 1903

«Крыльцо Ее словно паперть...»

Крыльцо Ее словно паперть.
Вхожу — и стихает гроза.
На столе — узорная скатерть.
Притаились в углу образа.

На лице Ее — нежный румянец,
Тишина озаренных теней.
В душе — кружащийся танец
Моих улетевших дней.

Я давно не встречаю румянца,
И заря моя — мутно тиха.
И в каждом кружении танца
Я вижу пламя греха.

Только в дар последним похмельям
Эта тихая радость дана.
Я пришел к ней с горьким весельем
Осушить мой кубок до дна.

7 ноября 1903 (1905)

РАССВЕТ

Я встал и трижды поднял руки.
Ко мне по воздуху неслись
Зари торжественные звуки,
Багрянцем одевая высь.

Казалось, женщина вставала,
Молилась, отходя во храм,
И розовой рукой бросала
Зерно послушным голубям.

Они белели где-то выше,
Белея, вытянулись в нить
И скоро пасмурные крыши
Крылами стали золотить.

Над позолотой их заемной,
Высоко стоя на окне,
Я вдруг увидел шар огромный,
Плывущий в красной тишине.

18 ноября 1903

«Облака небывалой улады...»

Облака небывалой улады —
Без конца их лазурная лень.
Уходи в снеговые громады
Розоватый приветствовать день.
Тишины снегового намека,
Успокоенных дум не буди...
Нежно-синие горы глубоко
Притаились в небесной груди.
Там до спора — сквозящая ласка,
До войны — только нежность твоя,
Без конца — безначальная сказка,
Рождество голубого ручья...
Невозможную сладость прими,
О, изменник! Люблю и зову
Голубые приветствовать земли,
Жемчужные сны наяву.

21 ноября 1903 (1906?)

«Спустишь в подземные ущелья...»

Спустишь в подземные ущелья,
Земные токи разбуди,
Спасай, спасай твоё веселье,
Спасай ребёнка на груди!

Уж поздно. На песке ложбины
Лежит, убита горем, мать.
Холодный ветер будет в спину
Тебе, бегущему, хлестать!

Но ты беги, спасай ребёнка,
Прижав к себе, укутав в плащ,
И равномерным бегом звонко
Буди, буди нагорный хрящ!

Успеешь добежать до срока,
Покинув горестную мать,
И на скале, от всех далекой,
Ему — ребёнку — имя дать!

21 ноября 1903

«Темная, бледно-зеленая...»

М. А. Олениной-д'Альгейм

Темная, бледно-зеленая
Детская комнатка.
Нянюшка бродит сонная.
«Спи, мое дитятко».

В углу — лампадка зеленая.
От нее — золотые лучики.
Нянюшка, над постелькой склоненная...
«Дай заверну твои ноженьки и рученьки».

Нянюшка села и задумалась.
Лучики побежали — три лучика.
«Нянюшка, о чем ты задумалась?
Расскажи про святого мученика».

Три лучика. Один тоненький...
«Святой мученик, дитятко, преставился...
Закрой глазки, мой мальчик сонненький.
Святой мученик от мученья избавился».

23 ноября 1903

ФАБРИКА

В соседнем доме окна жолты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в жолтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

24 ноября 1903

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПОРА

И. Д. Менделееву

Ты кормчий — сам, учитель — сам.
Твой путь суров. Что толку в этом?
А я служу Ее зарям,
Моим звездащимся обетам.
Я изменений сон люблю,
Открытый ветру в час блужданий.
Изменник сам — не истреблю
Моих' задумчивых гаданий.
Ты также грезишь над рулем,
Но ветх твой челн, старо кормило,
А мы в урочный час придем —
И упадет твое ветрило.
Скажи, когда в лазури вдруг
Заплещут ангелы крылами,
Кто первый выпустит из рук
Свое трепещущее знамя?

2 декабря 1903 (1910)

«Что с тобой — не знаю и не скрою...»

Что с тобой — не знаю и не скрою —
Ты больна прозрачной белизной.
Милый друг, узнаешь, что с тобою,
Ты узнаешь будущей весной.

Ты поймешь, когда, в подушках лежа,
Ты не сможешь запрокинуть рук.
И тогда сойдет к тебе на ложе
Непрерывный, заунывный звук.

Тень лампадки вздрогнет и встревожит
Кто-то, отделившись от стены,
Подойдет — и медленно положит
Нежный саван снежной белизны.

5 декабря 1903 (1915)

«Мы шли на Лидо в час рассвета...»

Мы шли на Лидо в час рассвета
Под сетью тонкого дождя.
Ты отошла, не дав ответа,
А я уснул, к волнам сойдя.

Я чутко спал, раскинув руки,
И слышал мерный плеск волны.
Манили страстной дрожью звуки,
В колдунью-птицу влюблены.

И чайка — птица, чайка — дева
Всё опускалась и плыла
В волнах влюбленного напева,
Которым ты во мне жила.

11 декабря 1903 (1910)

«Мне гадалка с морщинистым ликом...»

Мне гадалка с морщинистым ликом
Ворожила под темным крыльцом.
Очарованный уличным криком,
Я бежал за мелькнувшим лицом.

Я бежал и угадывал лица,
На углах останавливал бег.
Предо мною ползла вереница
Нагруженных, скрипящих телег.

Проползала змеей меж домами —
Я не мог площадей перейти...
А оттуда вzywало: «За нами!»
Раздавалось: «Безумный! Прости!»

Там — бессмертною волей томима,
Может быть, призывала Сама...
Я бежал переулками мимо —
И меня поглотили дома.

13 декабря 1903 (Лето 1904)

«Плачет ребенок. Под лунным серпом...»

Е. П. Иванову

Плачет ребенок. Под лунным серпом
Тащится по полю путник горбатый.
В роще хохочет над круглым горбом
Кто-то косматый, кривой и рогатый

В поле дорога бледна от луны.
Бледные девушки прячутся в травы.
Руки, как травы, бледны и нежны.
Ветер колышет их влево и вправо

Шепчет и клонится злак голубой.
Пляшет горбун под луною двурогой.
Кто-то зовет серебристой трубой.
Кто-то бежит озаренной дорогой.

Бледные девушки встали из трав.
Подняли руки к познанию, к молчанью
Ухом к земле неподвижно припав,
Внемлет горбун ожиданью, дыханью.

В роще косматый беззвучно дрожит
Месяц упал в озаренные злаки.
Плачет ребенок. И ветер молчит.
Близко труба. И не видно во мраке.

14 декабря 1903

«Среди гостей ходил я в черном фраке...»

Среди гостей ходил я в черном фраке
Я руки жал. Я, улыбаясь, знал:
Пробьют часы. Мне будут делать знаки.
Поймут, что я кого-то увидал...

Ты подойдешь. Сожмешь мне больно руку.
Ты скажешь: «Брось. Ты возбуждаешь смех».
Но я пойму — по голосу, по звуку,
Что ты меня боишься больше всех.

Я закричу, беспомощный и бледный,
Вокруг себя бесцельно оглянусь.
Потом — очнусь у двери с ручкой медной.
Увижу всех... и слабо улыбнусь.

18 декабря 1903

ИЗ ГАЗЕТ

Встала в сияньи. Крестила детей.
И дети увидели радостный сон.
Положила, до полу клонясь головой,
Последний земной поклон.

Коля проснулся. Радостно вздохнул,
Голубому сну еще рад наяву.
Прокатился и замер стеклянный гул:
Звонящая дверь хлопнула внизу.

Прошли часы. Приходил человек
С оловянной бляхой на теплой шапке.
Стучал и дожидался у двери человек.
Никто не открыл. Играли в прятки.

Были веселые морозные Святки.

Прятали мамин красный платок.
В платке уходила она по утрам.
Сегодня оставила дома платок:
Дети прятали его по углам.

Подкрались сумерки. Детские тени
Запрыгали на стене при свете фонарей.
Кто-то шел по лестнице, считая ступени.
Сосчитал. И заплакал. И постучал у дверей.

Дети прислушались. Отворили двери.
Толстая соседка принесла им щей.
Сказала: «Кушайте». Встала на колени
И, кланяясь, как мама, крестила детей

Мамочке не больно, розовые детки.
Мамочка сама на рельсы легла.
Доброму человеку, толстой соседке,
Спасибо, спасибо. Мама не могла...

Мамочке хорошо. Мама умерла.

27 декабря 1903

СТАТУЯ

Лошадь влекли под уздцы на чугунный
Мост. Под копытом чернела вода.
Лошадь храпела, и воздух безлунный
Храп сохранял на мосту навсегда.

Песни воды и хрипящие звуки
Тут же вблизи расплывались в хаос.
Их раздирали незримые руки.
В черной воде отраженье несло.

Мерный чугун отвечал однотонно.
Разность отпала. И вечность спала.
Черная ночь неподвижно, бездонно —
Лопнувший в бездну ремень увлекла.

Всё пребывало. Движенья, страданья —
Не было. Лошадь храпела навек.
И на узде в напряженьи молчанья
Вечно застывший висел человек.

28 декабря 1903

«По берегу плелся больной человек...»

По берегу плелся больной человек.
С ним рядом ползла вереница телег

В дымящийся город везли балаган,
Красивых цыганок и пьяных цыган.

И сыпали шутки, визжали с телег.
И рядом тащился с кульком человек.

Стонал и просил подвезти до села.
Цыганочка смуглую руку дала.

И он подбежал, ковыляя, как мог,
И бросил в телегу тяжелый кулек.

И сам надорвался, и пена у губ.
Цыганка в телегу взяла его труп.

С собой усадила в телегу рядком,
И мертвый качался и падал ничком.

И с песней свободы везла до села.
И мертвого мужа жене отдала.

28 декабря 1903

«Протянуты поздние нити минут...»

Протянуты поздние нити минут,
Их все сосчитают и нам отдадут.
«Мы знаем, мы знаем начертанный круг» —
Ты так говорила, мой Ангел, мой Друг.
Судьбой назвала и сказала: «Смотри,
Вот только: от той до последней зари.
Пусть ходит, тревожит, колеблет ночник,
Твой бледный, твой серый, твой жалкий двойник
Все нити в Одной Отдаленной Руке,
Все воды в одном голубом роднике,
И ты не поднимешь ни края завес,
Скрывающих ужас последних небес».
Я знаю, я помню, ты так мне велишь,
Но ты и сама эти ночи не спишь,
И вместе дрожим мы с тобой по ночам,
И слушаем сказки, и верим часам...
Мы знаем, мы знаем, подруга, поверь:
Отворится поздняя, древняя дверь,
И Ангел Высокий отворит гробы,
И больше не будет соблазна судьбы.

28 декабря 1903 (1907?)

«Я кую мой меч у порога...»

Я кую мой меч у порога.
Я опять бесконечно люблю.
Предо мною вьется дорога.
Кто пройдет — того я убью.

Только ты не пройди, мой Глашатай.
Ты вчера промелькнул на горе.
Я боюсь не Тебя, а заката.
Я — слепец на вечерней заре.

Будь Ты ангел — Тебя не узнаю
И смертельной сталью убью:
Я сегодня наверное чаю
Воскресения мертвых в раю.

28 декабря 1903 (1907)

«Ветер хрипит на мосту меж столбами...»

Ветер хрипит на мосту меж столбами,
Черная нить под снегами гудёт.

Чудо ползет под моими санями,
Чудо мне сверху поет и поет...

Всё мне, певучее, тяжело и трудно,
Песни твои, и снега, и костры...

Чудо, я сплю, я устал непробудно...
Чудо, ложись в снеговые бугры!

28 декабря 1903

«Отдых напрасен. Дорога крута...»

Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.

Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.

Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?

Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к Тебе.

Купол стремится в лазурную высь
Синие окна румянцем зажглись.

Все колокольные звоны гудят.
Залит весной беззакатный наряд.

Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?

28 декабря 1903 (Июль 1904?)

---

notes

Примечания

1

Не тронь моих кругов (лат.).